

УДК 316.334.4

СВЕТЛАНА ОКСАМИТНАЯ,

кандидат социологических наук, декан факультета социальных наук и социальных технологий Национального университета “Киево-Могилянская академия”, старший научный сотрудник отдела социальных структур Института социологии НАН Украины

Институциональная среда воспроизводства социального неравенства

Аннотация

В статье на основе работ зарубежных и отечественных специалистов анализируется институциональная среда формирования и воспроизводства социального неравенства. Перечисляются те социальные институты, которые, по мнению современных исследователей социального неравенства, в наибольшей степени влияют на глубину и структуру неравенства в обществе. По результатам многочисленных международных сравнительных исследований к таким институтам чаще всего относят централизованную систему коллективных договоров между предпринимателями и профсоюзами; профессиональные союзы, учитывая возможность их создания и влияние; институт минимальной заработной платы, ее уровень и динамику; систему налогообложения, ее формы и уровни; институты перераспределения доходов, государственных социальных гарантий; институциональное разделение политической власти, тип избирательной системы; институциональные условия обеспечения прав собственности; институциональные условия соблюдения трудовых прав и стандартов; институциональные отношения в сфере образования. В статье рассмотрен ряд характеристик социально-институционального устройства украинского общества в плане влияния на состояние экономического неравенства. Подчеркивается актуальность для отечественной социологии рассмотрения воспроизводства социального неравенства, его глубины и динамики сквозь призму особенностей институциональных правил и практик, присущих современному украинскому обществу.

Ключевые слова: социальное неравенство, социальные институты, воспроизводство социального неравенства, институциональное устройство общества

Отечественная традиция изучения социального неравенства сосредоточена преимущественно на выявлении и измерении определенных типов неравенства, обсуждении схем, переменных, подходов к эмпирическому измерению процессов и последствий стратифицированности общества, распределения индивидов между разными классами или стратами и практически не затрагивает основополагающего вопроса обусловленности существующего состояния социального неравенства институциональным устройством общества, взаимодействием определенным образом возникших и воспроизводимых социальных институтов. Однако признание определяющего влияния социальных институтов на стратификационный порядок общества стало общепринятым в социологии, в частности в западной, в последние десятилетия. Речь идет о систематическом выяснении того, как социальные институты продуцируют, поддерживают и корректируют разные типы неравенств, определяют и устанавливают правила и практики взаимодействий индивидов и общностей, правила распределения, перераспределения, ограничения доступа к ресурсам, следствием чего и является социальное неравенство. Исследователи прилагают усилия, чтобы выяснить (теоретически обоснованно и эмпирически доказательно), какие именно институты, прежде всего политические и экономические, формируют и увеличивают или уменьшают неравенства, благодаря различиям в функционировании каких институтов масштаб социального неравенства резко разнится среди развитых капиталистических стран. Анализ и обобщение опыта зарубежных исследователей касательно определяющего влияния ряда социальных институтов на состояние и динамику социального неравенства — одна из задач данной статьи.

Большинство современных толкований социальных институтов исходят из идущей от экономистов неоинституциональной традиции понимания института как правил игры в обществе или, точнее, придуманных людьми ограничений, направляющих человеческое взаимодействие в определенное русло (см.: [Норт, 2000: с. 11; Асемоглу, 2006: с. 6]). В отличие от долгое время присущего социологии традиционного толкования социальных институтов как сложных комплексных образований, созданных до и без ныне сущих людей, неоинституциональный подход смещает акценты на роль “живых” индивидов и сообществ в формировании или модификации институтов, то есть правил взаимодействий, в установлении норм, ограничений и санкций. К тому же речь идет обо всем комплексе правил как формальных (легальных, законных), так и неформальных, неписаных. Как отмечает С.Макеев, произошло освобождение институтов от почти сакральной неприкосновенности, и “сегодня преимущественный интерес социологов вызывают институционализирующие действия индивидов — то, как они форматируют и переформатируют автономные институциональные порядки” [Макеев, 2003: с. 17]. Неоинституциональный подход к истолкованию сути и значения социальных институтов весьма активно применяется в современной социологии, существенно расширяя возможности социологического анализа социальной структуры и социальных отношений, поскольку, по словам российского социолога В.Ядова, “концепция неоинституционализма выдвигает на передний план не сами институты — структуры, а субъектов, их поддерживающих или изменяющих... Отсюда — проблематика, связанная с изучением социальных субъектов. Одни из них обладают значительными экономическими, культурными, социальными... и иными статусными ресурсами (назовем их “ресурсоемкими”), а

другие — слабонересурсные, и не имея таких капиталов, вынуждены подчиняться устанавливаемым правилам. Иными словами, сильноресурсные социальные субъекты начинают формулировать и закреплять правила социальных взаимодействий, отвечающие их интересам, что позволяет им же расширять поле своего экономического и политического влияния, наращивать свой капитал... В демократических обществах в роли активных преобразователей социальных институтов выступают многообразные коллективные субъекты — общественные движения, партии и гражданские объединения, противостоя тем, кто стремится занять командные позиции в становлении новых институциональных правил. Так или иначе проблема социальных институтов переходит теперь в область соотношения различных социальных сил, каждая из которых стремится навязать обществу свои правила игры либо же добивается разумного компромисса” [Ядов, 2006: с. 32]. Формальные и неформальные правила получения, распределения и перераспределения ресурсов в разной степени отвечают интересам представителей разных классов, социально-экономических и профессиональных сообществ, или, по удачному выражению российских исследователей, “проектировщиков и пользователей институтов” [Айвазова, s.a.: с. 19].

Как известно, все социальные институты имеют ценностно-нормативные основания, обусловленные свойственной культуре общества системой ценностей и убеждений, среди которых ведущее место занимают представления о социальном равенстве/неравенстве, пределах их допустимости и способах соблюдения этих пределов. Данные представления практически реализуются в формировании и воспроизводстве всех социальных институтов, хотя последние по-разному воплощают в моделях институционального взаимодействия ценность равенства или неравенства прав, возможностей и результатов деятельности. Очевидно, что рынок как совокупность социальных институтов и рыночные отношения способствуют максимизации неравенства как следствию реализации прав собственности, конкуренции, стремления к концентрации ресурсов, увеличению прибыли и уменьшению затрат и т.п. Государство как социальный институт в целом, с одной стороны, устанавливает и поддерживает определенные типы неравенства, в частности в распределении ресурсов, оплате труда, с другой стороны, формирует ряд институциональных механизмов перераспределения доходов и прибылей, внедрения разветвленной системы социальной помощи, то есть способствует уменьшению глубины неравенства. По-видимому, такой же неоднозначной является роль институтов семьи и образования, которые одновременно как воспроизводят существующее неравенство, так и создают условия для его преодоления. Однако говорить об однозначности соблюдения тех или иных ценностно-нормативных принципов всеми институциональными акторами не приходится, поскольку состояние отдельных социальных институтов, как и их общественная конфигурация в каждый период является результатом слаженного или конфликтного взаимодействия институциональных акторов, которые могут придерживаться противоположных или весьма различных ценностных ориентаций, договариваясь или навязывая другим свои правила игры. Ценности, правила и нормы, публично декларируемые институциональными акторами и реально воплощаемые в практике институциональных отношений, далеко не всегда совпадают. Как пишет Д.Норт, “существенный вопрос, который мы должны задать, заклю-

чается в том, кто именно создает правила, для кого они создаются и какие цели при этом преследуются” [Норт, 2010: с. 29].

В работах, посвященных институтам и неравенству, последнее обычно не рассматривают как социальное неравенство в целом, в широком, обобщенном смысле. Зачастую речь идет об экономическом, в частности по доходам, неравенстве, которое измеряют индексом Джини, децильным коэффициентом, долей заработных плат или доходов в валовом продукте и т.п. Неравенство доходов обычно трактуется как содержащее два компонента: рыночное неравенство (неравенство доходов до выплаты налогов и получения трансфертов) и неравенство после государственного (правительственного) перераспределения доходов через налоги и трансферты. Первое значительно превышает второе по глубине, и в этом усматривают один из результатов институционально установленного перераспределения ресурсов. Еще один тип неравенства, анализируемый как институционально обусловленный, — это неравенство возможностей, и прежде всего возможностей получения образования и достижения определенного статуса занятости на рынке труда.

Социальное неравенство рассматривается как неизбежная, универсальная структурная характеристика любого общества, способная быть институционально регулируемой и требующая такого регулирования. В определенных пределах неравенство желательней, поскольку поддерживает экономические стимулы и обеспечивает налоговые поступления, которые государство может расходовать на оказание общественных услуг и поддержку нетрудоспособных и малоимущих граждан [Мэннинг, 2007]. Однако серьезное внимание привлекают негативные аспекты неравенства (влияние на состояние здоровья, продолжительность жизни, детскую смертность, доступность образования, уровень преступности, социальное самочувствие и т.п.) [Carpiano, 2008; Lynch, 2000; Navarro, 2001; Jencks, 2002], чем и обосновывается необходимость определенного регулирования порядка неравенства разными социальными институтами.

Обусловленность социального неравенства институциональным устройством общества

В отличие от Украины, где только начинается рассмотрение вопроса конкретного “вклада” разных социальных институтов в формирование нынешнего состояния социального неравенства, для западных исследователей тематика социальных институтов и неравенства актуализировалась в 1980-е, 1990-е и 2000-е годы на почве повсеместной эмпирической фиксации усиления неравенства в демократических капиталистических странах (в наибольшей степени в США) и в рамках поиска причин этого именно в функционировании социальных институтов. По мнению самих социологов, они сначала “прозевали лодку социального неравенства”, не внося заметного вклада в выявление и объяснение именно институциональных причин возрастания неравенства в течение последних десятилетий [Kenworthy, 2007; Myles, 2003; Smith, 2002]. Вероятно, это обусловлено тем, что социологи преимущественно фокусировались не на структуре (глубине) неравенства, измеряемого в терминах заработных плат, доходов и богатства, а на том, как индивиды и группы распределяются в пределах этой уже существующей структуры, что явилось следствием постепенного, однако значительного сдвига от изучения

того, “как много существует неравенства и почему”, к исследованию определяющих факторов достижения тех или иных статусов в пределах сформированного неравенства [Kenworthy, 2007; Myles, 2007: p. 579]. Долгое время основные исследовательские вопросы, касавшиеся социальной стратификации, формулировались в терминах статусов занятости, классов и жизненных шансов, когда количественную экономическую составляющую неравенства не считали определяющей либо не рассматривали вообще, что характерно для распространенных в современной социологии классовых схем, в первую очередь Э.Райта и Дж.Голдторпа. Анализировать и сравнивать стратифицированность обществ по результатам многочисленных исследований межпоколенческой социальной мобильности стало доброй и плодотворной традицией в социологии второй половины XX века. Однако эта традиция скорее способствовала утверждению мнения о значительном сходстве моделей межпоколенческой мобильности в развитых странах, не затрагивая вопроса о распределении самих позиций в структуре социального неравенства и их экономическом измерении [DiPrete, 2007: p. 604–607]. Только в последние декады XX века фокус социологического анализа начинает концентрироваться на институциональной обусловленности параметров и динамики социального неравенства в разных странах. Сформировавшееся в этот период четвертое поколение исследователей социальной стратификации ощутимо отличается от предыдущих тем, что систематически учитывает значение институционального устройства в воспроизводстве процессов стратификации, хотя признание роли институтов в индустриальных обществах относится еще к 1970-м годам [Kerckhoff, 1995]. Основным исследовательским вопросом становится выяснение влияния социальных институтов на формирование и воспроизводство социального неравенства, ставшее возможным благодаря проведению многочисленных сравнительных исследований, как кросскультурных, так и межвременных национальных [Treiman, 2000]. Внимание исследователей сосредоточивается, как правило, на сложной институциональной обусловленности глубины и динамики социального неравенства, и значительно реже поднимается вопрос о взаимном влиянии институтов и неравенства, в том числе об обратном влиянии социального неравенства на состояние, качество и модификации социальных институтов. Прежде всего речь идет о негативном влиянии неравенства на становление демократических политических и экономических институтов в недостаточно развитых странах, включая Украину [Easaw, 2006; Chong, s.a.]. Смещение истолкований в сторону институциональных факторов неравенства базировалось также на научных достижениях экономистов и политологов, поскольку “в современных институциональных исследованиях внимание фокусируется на связи неравенства не с производительностью экономики, а с политической структурой общества. Основная гипотеза этих исследований заключалась в том, что демократия способствует перераспределению доходов и содержит механизмы, обеспечивающие продвижение к большему равенству” [Социальное неравенство, 2007: с. 294].

Как известно, наиболее развитые капиталистические страны именуют себя государствами всеобщего благоденствия и в течение послевоенных десятилетий демонстрировали постепенное и постоянное повышение жизненного уровня и уменьшение социального неравенства, особенно между полюсными категориями граждан (Поль Кругман называет это “великим

сжатием”). Начиная с 1980-х годов во всех развитых странах подобные явления либо прекращаются, либо с разной интенсивностью происходит обратный процесс (“великое расслоение”), в котором США достигли огромных “успехов” по сравнению с европейскими странами [Jencks, 2002; Smith, 2002; Кругман, 2009]. Если в 1979 году 1% самых богатых домохозяйств США аккумулировал 7,5% общего дохода, то в 1997-м — уже 13,6%. По величине децильного коэффициента, рассчитанного по данным Люксембургского исследования доходов (Luxembourg Income Study), в течение 1990-х годов США существенно опережали другие развитые страны, особенно скандинавские (США — 5,6; Швеция — 2,6; Финляндия — 2,7; Норвегия — 2,8; Дания — 2,9) [Jencks, 2002: р. 52]. К середине 1990-х, по данным этого исследования, децильный коэффициент в России составлял 9,4. (Какие-либо данные по Украине на сайте LIS отсутствуют.)

Результаты многочисленных межнациональных исследований последних десятилетий убеждают, что различия экономических и политических институтов составляют фундаментальную причину различий между странами по уровням благосостояния и глубине неравенства. Как отмечает известный исследователь влияния институтов на неравенство Д.Асемоглу, “хотя культурные и географические факторы также могут иметь значение для функционирования экономики, основным источником межстрановых различий в темпах экономического роста и уровне благосостояния являются все же различия экономических институтов. Экономические институты определяют не только потенциал экономического роста страны, но и ряд экономических особенностей, в том числе распределение ресурсов в будущем (то есть распределение богатства, физического или человеческого капитала). Иначе говоря, они влияют не только на размер общего пирога, но и на то, каким образом данный пирог делится между различными группами и индивидами в обществе” [Асемоглу, 2006: с. 7]. Ударение делается на неразрывности экономических и политических институтов как факторов распределения имеющихся ресурсов и экономического роста, что объясняется, в частности, тем, что экономические институты определяют стимулы и ограничения для экономических субъектов, а также результаты функционирования экономики, распределения и перераспределения ресурсов. Поскольку различные группы и индивиды обычно выигрывают от разного устройства экономических институтов, то существующий институциональный выбор сопровождается конфликтом интересов, который разрешается в пользу групп, имеющих большую политическую власть. Политические институты определяют объем политической власти различных институциональных акторов де-юре, тогда как группы, обладающие большими экономическими ресурсами, могут иметь большую политическую власть де-факто. Экономические институты содействуют экономическому росту, когда политические институты наделяют властью группы, заинтересованные в широкомасштабной защите прав собственности, вводят эффективные ограничения в отношении обладающих властью индивидов и когда возможности получения ренты властью имущими относительно невелики [Асемоглу, 2007: с. 4].

Таким образом, воспроизводимое неравенство по доходам и богатству считается институциональным явлением, следствием сложного институционального взаимодействия, институционализированной власти социальных акторов, а не результатом сугубо рыночных механизмов, “железного за-

кона” соотношения спроса и предложения и т.п. По мнению М.Зафировски, относительную позиционную власть (политическую и экономическую) труда и капитала можно принять за основу для объяснения и предвидения определенных уровней и направлений изменений неравенства доходов в целом. Модели властных отношений между акторами рынка труда и другими, в частности правительственными, превращаются в соответствующие модели экономического распределения, то есть большего или меньшего неравенства [Zafirovski, 2002: р. 94]. Если институциональная структура в целом благоприятствует капиталу за счет труда, тенденция к усилению неравенства неминуема — и наоборот.

По результатам множества сравнительных исследований влияния институциональной структуры на социальное неравенство сформировался более-менее согласованный перечень институциональных отношений, определяющих основные параметры социального неравенства в обществе, а также объясняющих выявленные различия по глубине и динамике неравенства в разных экономически развитых странах как в пределах Западной Европы, так и при сопоставлении стран Европейского Союза с Соединенными Штатами Америки. Уровень и динамику неравенства до налогообложения (*pretax inequality*) в наибольшей мере определяют:

- централизованная система коллективных соглашений между предпринимателями и профсоюзами;
- профессиональные союзы, возможности их создания и влияние;
- минимальная заработная плата, ее уровень и динамика.

Неравенство после налогообложения и трансфертов (*posttax inequality*) существенно корректируется:

- системой налогообложения, ее формами и уровнями;
- институтами и политикой перераспределения доходов, государственных социальных гарантий.

Крайне важными считаются культурные, политические и правовые рамки институционального взаимодействия, способствующие воспроизводству относительно эгалитарных или элитарных норм и практик социального неравенства. В частности речь идет об:

- институциональном распределении политической власти, типе избирательной системы;
- институциональных условиях обеспечения прав собственности;
- институциональных условиях соблюдения трудовых прав и стандартов;
- институциональных характеристиках образования.

Политические институты считаются в определенной мере доминирующими, поскольку они влияют на равновесные экономические институты, от которых зависят результаты функционирования экономики, общее благосостояние и порядок неравенства. Распределение политической власти в обществе влияет на то, какие именно экономические институты возникают и на основаниях каких формальных и неформальных правил функционируют. Обычно политические институты весьма устойчивы, не склонны к быстрой смене экономических отношений и перераспределению экономической власти. Если в обществе сформировались группы индивидов, достаточно богатых и влиятельных по сравнению с представителями остальных общ-

ностей, это содействует увеличению их политической власти де-факто и позволяет навязывать и продвигать экономические институты, в которых именно эти группы заинтересованы, в итоге неравенство будет сохраняться и иметь тенденцию к увеличению.

Среди разных типов объяснений, почему страны имеют различные институты, а значит, и разные уровни благосостояния и неравенства, одним из наиболее правдоподобных считается объяснение с позиции теории социального конфликта, согласно которой “плохие” (что касается глубины неравенства и возможностей его уменьшения) институты вводятся потому, что они выгодны группам, имеющим политическую и экономическую власть. Д. Асемоглу отмечает, что “в соответствии с этим подходом экономические (и политические) институты часто выбираются не всем обществом (и не всегда с целью повышения благосостояния общества в целом), а группами, контролирующими в данный момент политическую власть (возможно, в результате конфликта с другими группами). Эти группы выбирают экономические институты, максимизирующие их собственную ренту, и в результате экономические институты не совпадают с теми, которые максимизируют совокупный излишек потребителей и производителей, благосостояние или доход... Следовательно, равновесными экономическими институтами будут те, которые максимизируют кусок пирога, достающийся влиятельным группам, а не общий размер пирога” [Асемоглу, 2006: с. 189].

Одна из предлагаемых исследователями социологических гипотез, называемая теорией властных ресурсов (Power Resources Theory), утверждает, что уменьшение роли институциональных капиталоемких (власть и собственность) акторов возможно только при условии мощного влияния со стороны наемных работников (labour), то есть влиятельные профсоюзные объединения и поддерживаемые большинством наемных работников левоцентристские правительства способствуют более эгалитарному распределению доходов и большему перераспределению [Soskice, s.a.: p. 3]. Речь идет именно о комбинации указанных двух институциональных составляющих. Приводится ряд доказательств того, что “дизайн” демократических институтов, особенно тип избирательной системы, существенно влияет на политику распределения и перераспределения, если контролируются другие факторы. Пропорциональная система при условии соответствующего законодательного обеспечения и его соблюдения делает возможным фактическое представительство и участие в выработке правил-договоренностей разных социальных групп, а политическая система в целом тяготеет к левоцентризму.

В странах с пропорциональной избирательной системой получила распространение так называемая гипотеза “медианного избирателя”, которая предполагает, что большее неравенство рыночного распределения зарплаток или дохода приведет к увеличению уровней перераспределения со стороны государства (медианный избиратель, который обычно имеет доход ниже среднего, будет голосовать и приводить к власти именно те политические партии, а значит, и правительства, которые обещают увеличение налогов для высокодоходных слоев населения и увеличение перераспределения и затрат на социальные потребности (образование, медицину, уход за детьми, пенсии и т.п.) в случае роста неравенства [Soskice, s. a.: p. 1]. Очевидно, по своей сути эта гипотеза предполагает, что рядовой избиратель хорошо знаком с системой государственного регулирования уровней налогообло-

жения различных категорий граждан, распределения и перераспределения доходов и потому как избиратель осознает свои интересы, предъявляет требования и голосует за те политические партии, которые этому соответствуют. В качестве примера эмпирической достоверности гипотезы “медианного избирателя” обычно приводят Скандинавские страны. Однако среди исследователей нет единодушия, поскольку встречаются примеры эмпирического обоснования если не отсутствия достоверности, то явной слабости этой гипотезы [Kenworthy, 2008].

Капиталистическое институциональное устройство стран Северной Европы считается координированным (coordinated); политическая система здесь имеет консенсусный характер с пропорциональной системой выборов. Социальные институты в целом генерируют сравнительно более низкое неравенство и сильное государство всеобщего благоденствия. В англо-саксонских странах капитализм имеет либеральный характер, политическая система является состязательной с преобладанием мажоритарной системы выборов. Такое сочетание генерирует сравнительно более глубокое неравенство и более слабое государство всеобщего благосостояния.

Исследователи также концентрируют внимание на фундаментальном вопросе, которым, однако, постоянно пренебрегают в социологии, — о властных возможностях наделенного собственностью элитного меньшинства, позволяющих ему присваивать большую часть общественного дохода и богатства, и о том, в какой мере такая власть зависит от институциональной структуры демократических капиталистических стран [Raffalovich, 2004]. Исследовательский интерес к общности наделенных значительной собственностью индивидов мотивируется несколькими факторами. Во-первых, богатство остается основным детерминантом неравенства во всех обществах, признающих право частной собственности на экономически продуктивные ресурсы. К тому же богатство остается чрезвычайно концентрированным во всех обществах. В США, например, 0,5% домохозяйств обладают 35% всех ресурсов, производящих доход [Raffalovich, 2004: р. 362]. Во-вторых, богатство всегда было источником экономической власти в обществе, а экономическая власть, как известно, тесно связана с политической. В-третьих, в рыночных обществах инвестиции в дальнейшее развитие финансируются из частных поступлений и мотивируются ожиданиями будущей прибыли. Такие инвестиционные решения могут влиять на распределение заработков и распределение трансфертов, то есть двух основных компонентов доходного неравенства всех граждан. Исследование последствий влияния институциональной структуры на распределение общенационального дохода между наделенными и не наделенными собственностью классами обнаружило, что в развитых капиталистических странах “власть собственности коренится в политических, а не рыночных отношениях” [Raffalovich, 2004: р. 380]. Тип политических институтов влияет на способность собственников крупных капиталов присваивать выгоды экономического роста и перекладывать бремя социальных выплат на менее обеспеченные группы. Эмпирически подтверждено, что политические институты консенсусной (пропорциональной, в отличие от мажоритарной) демократии вводят такие правила взаимоотношений, которые имеют следствием меньшее неравенство и высшие уровни удовлетворенности граждан. Существует также эмпирически обоснованное предположение о том, что, контролируя уровень де-

мократии, парламентские политические системы в целом генерируют меньшее неравенство в обществе, чем президентские [Gradstein, s.a.].

Значительно более глубокое неравенство в США и его негативная по сравнению с европейскими странами динамика объясняются и эмпирически обосновываются такими институциональными характеристиками, как отсутствие той системы коллективных соглашений между предпринимателями и профсоюзами, которая бы способствовала “сжатию” дифференциации заработных плат; слабость существующих профсоюзов и институциональные препятствия для их создания; относительно низкий уровень минимальной заработной платы на протяжении длительного времени и умеренность государственных социальных гарантий и социальных выплат в пользу неработающих, безработных, нетрудоспособных, молодых родителей и т.п.; ослабление трудового законодательства в плане защиты наемных работников; более низкие уровни и более благоприятное налогообложение для ресурсоемких категорий граждан; значительно меньшая политическая активность государства в отношении рынка труда в целом [Jencks, 2002; Kenworthy, 2010; Smith, 2002; Zafirovski, 2002]. Гораздо большие возможности аккумуляции ресурсов и более высокий уровень жизненных стандартов в США концентрируются среди групп индивидов, занимающих самые высокие позиции шкалы распределения доходов, в чем усматривается значение ценностного политического выбора со стороны институциональных акторов более неравного распределения ресурсов, в отличие от характерного, например, для Канады или ряда европейских стран.

Страны Северной Европы считаются наиболее успешными в деле формирования таких “правил игры” и режимов функционирования социальных институтов, которые в итоге сделали возможным сочетание высокого экономического роста, эффективного использования ресурсов со сравнительно незначительным социальным неравенством и низким уровнем безработицы. Дело не в открытии универсальной связи между экономическим равенством и успешностью экономики, а в том, что при определенных условиях равенство и процветание возникают и взаимоусиливаются [Моне, 2010]. Условия эти исключительно институциональные: система коллективных соглашений между предпринимателями и профсоюзами, когда оба институциональных актора рыночных отношений пытаются вывести заработные платы из сферы конкуренции путем централизованных переговоров с участием правительства. Это массовые профессиональные союзы, способные влиять на распределение доходов среди наемных работников и перераспределение путем налогообложения и социальных выплат. Фактически в североευропейских странах, особенно в Норвегии и Швеции, сформировались скрытые коалиции работников и работодателей, что обусловило выравнивание заработных плат и повышение эффективности экономики в течение более чем 50 лет, хотя поначалу главной идеей обеих сторон было не социальное равенство, а макроэкономическая эффективность как следствие создания привлекательных современных рабочих мест [Моне, 2010]. Такой институциональный баланс во второй половине XX века оказался в состоянии обеспечивать североευропейским странам высокие макроэкономические показатели, экономический рост на уровне со США в сочетании с почти полной занятостью и сравнительно низким социальным неравенством. Институциональный баланс означает также определенный баланс цен-

ностей и интересов различных игроков на рынке труда, в правительстве и парламенте.

Как видим, в изучении институциональных факторов социального неравенства значительное внимание уделяется такому социальному институту, как профессиональные союзы. Влиятельные (сильноресурсные) профсоюзы не имеют политической власти де-юре, но имеют экономическую власть де-факто, и другие институциональные акторы признают их неотъемлемыми участниками переговорного процесса по поводу уровней оплаты труда, социальных выплат, а также агентами, способными к быстрой мобилизации коллективных действий наемных работников. Профсоюзы выступают активными агентами “сжатия” неравенства доходов и увеличения социальных гарантий и выплат. Сравнивая показатели индекса Джинни и меры охвата профсоюзами работающего населения, М.Зафировски эмпирически доказывает наличие обратной статистически значимой корреляции между этими показателями. В странах с самыми низкими значениями коэффициента Джинни (Швеция, Норвегия, Финляндия, Дания) профессиональные союзы охватывают от 56% до 83% работающих, в отличие от других европейских стран и особенно США, где профсоюзы охватывают незначительную часть работающих (16%), а коэффициент Джинни самый высокий среди промышленно развитых стран [Zafirovski, 2002].

В отношении США П.Кругман уверенно утверждает: “...самым важным источником увеличения неравенства в Соединенных Штатах являются институты и нормы, а не технология и глобализация. Показательный пример институциональных сдвигов — коллапс профсоюзного движения в США” [Кругман, 2009: с. 149]. Упадок профсоюзов лишил их возможности эффективно смягчать неравенство. По мнению американских исследователей, снижение влияния и численности профсоюзов объясняет от 15% до 20% общего увеличения неравенства оплаты труда в 1990-е годы по сравнению с 1970-ми [DiPrete, 2007: р. 608]. Нередко упадок профсоюзов объясняют сокращением в развитых странах индустриального производства (влиятельные профсоюзы, как правило, — это профсоюзы рабочего класса) и превращением экономики в экономику сферы услуг, для которой нехарактерно сильное профсоюзное движение. Однако в отношении США П.Кругман приводит другое объяснение: упадок профсоюзов является следствием целенаправленных усилий представителей крупного бизнеса (рыночных институциональных акторов), которые пошли в наступление на профсоюзы, угрожая работникам и незаконно увольняя активистов при молчаливой или откровенной поддержке политиков (“...разгром Рейганом профсоюза авиадиспетчеров послужил сигналом для широкого наступления на всем экономическом фронте” [Кругман, 2009: с. 159]).

Неотъемлемой составляющей институционального устройства в каждой стране считается система налогообложения, включая законодательное регулирование и политическое принятие решений, что существенно влияет на общий стратификационный порядок. Формы и уровни налогообложения обуславливают также дальнейшее перераспределение ресурсов, определенную коррекцию первичного распределения, создаваемого вследствие рыночной конкуренции. Утверждение о том, что общие уровни налогообложения и неравенства доходов движутся в противоположных направлениях, иллюстрирует тот факт, что в США, в отличие от большинства европейских

стран, в течение 80–90-х годов прошлого века общий уровень налогообложения, особенно принадлежащих к самому богатому верхнему квантилю уменьшился, тогда как неравенство возросло. Политически и идеологически обусловленное существенное уменьшение прогрессивности налогообложения привело к резкому увеличению неравенства [Zafirovski, 2002: p. 98].

Установленный в стране провластными институциональными акторами уровень минимальной заработной платы также является одним из факторов объяснения динамики и состояния неравенства. Институциональное введение низкого уровня минимальной заработной платы является значительным вкладом в дальнейший рост неравенства доходов [Smith, 2002: p. 583], а также способствует созданию субъектами рыночных отношений новых рабочих мест с минимальной или близкой к этому оплатой. В целом уровни и дифференциация заработных плат считаются в значительной мере обусловленными действиями различных институциональных акторов, следствием их конфликтных интересов или компромиссов, их способности использовать политическую и экономическую власть для установления цен, доходов и доли заработных плат в совокупном продукте.

Социальные институты, правила и практики их функционирования играют определяющую роль в процессе отбора, “сортировки”, продвижения индивидов к имеющимся стратифицированным структурным позициям. Разумеется, определенное значение имеют индивидуальные усилия и действия, однако институциональное устройство более или менее жестко определяет рамки индивидуальных возможностей, вероятность достижимости тех или иных позиций для конкретных категорий индивидов, распределение жизненных шансов, совокупного дохода, возможностей мобильности, бедности или социальной эксклюзии. Институты определяют конкретные модели связей между семьей и образованием, между образованием и рынком труда, между отдельными структурными позициями в сфере занятости в целом. Такие связи формируют структуру возможностей конкретного общества, определяя вероятность достижения индивидами тех или иных позиций в социальной иерархии на определенной стадии индивидуального жизненного цикла в зависимости от локализации на предыдущей стадии.

Институт образования является одним из основных каналов связи, “сортировочной машиной” между стратифицированной системой социальных позиций и индивидами различного социального происхождения и способностей. Исполняя функцию социализации и передачи знаний, институт образования вместе с тем иерархически распределяет учеников и студентов на основе успешности приобретения знаний и навыков. Предполагается, что это должно быть справедливое распределение по успешности и мотивированности. Тем самым институт образования должен был бы выполнять функцию выравнивания возможностей получения образования независимо от социального происхождения, справедливого оценивания результатов этого процесса с последующим занятием соответствующих мест на рынке труда. Однако реальные формальные и неформальные институциональные практики, воплощающиеся в разноплановой стратифицированности учебных заведений, нередко делают невозможным функционирование института образования как реального фактора выравнивания возможностей, “смягчения” существующего неравенства или “пересортировывания” индивидов различного социального происхождения между стратифицированными со-

циальными позициями. Такие практики проявляются в воспроизводимости стратифицированности учебных заведений по уровню доступности, образовательных ресурсов, квалифицированности преподавательского состава, престижности аттестатов и дипломов, в системах раннего отбора и сегрегации детей между разными типами дошкольных и школьных учреждений (специализированными, престижными и обычными школами), классами по способностям; в уровнях автономии, централизации и централизованного контроля и т.п. Лишь немногим развитым странам (прежде всего Швеции, Нидерландам, Финляндии) в течение второй половины XX века удалось изменить институциональные характеристики образования таким образом, чтобы достичь существенного увеличения равенства возможностей и уменьшения влияния социально-классового происхождения на образовательные достижения детей.

Анализируя функционирование института образования, исследователи в основном концентрируют внимание на доступности всех уровней образования, начиная со школьного, для детей разного социального происхождения и на их успешности в учебе. Ссылаясь на научные работы коллег-психологов, Г.Эспин-Андерсен утверждает, что умственные способности индивида влияют на жизненные шансы независимо от образовательных достижений. А умственные способности и навыки в значительной мере закладываются и развиваются в дошкольном возрасте, и решающей фазой развития здесь является возраст ребенка до 6 лет, то есть до начала формального школьного обучения. Как отмечает автор, “казалось бы, ни у кого не вызывает сомнения то, что определяющим звеном между социальным происхождением и образовательными успехами является развитие умственных навыков, и это предполагает решающую роль лет, предшествующих формальному школьному обучению. Существование неравенства в интеллектуальном развитии означает, что оно в большей степени воссоздается, нежели корректируется школьной системой” [Esping-Andersen, 2004: p. 128]. Уменьшить определяющее влияние семьи на формирование умственных способностей детей и соответствующего неравенства способны только институциональные механизмы, в частности введенные в Скандинавских странах, а именно обязательность дошкольного образования, качественного и высококвалифицированного, которое предоставляется всем детям, независимо от места жительства и социального происхождения, в классово смешанных дошкольных детских центрах.

Институциональные основания неравенства в Украине

Итак, перечень основных социальных институтов, которые обуславливают глубину, динамику и отличительные тенденции воспроизводства социального неравенства в развитых капиталистических странах, нам известен и может служить определенным ориентиром при попытках очертить картину составляющих институциональной матрицы, скрывающейся за существующим порядком социального неравенства в украинском обществе. Общая картина институционально обусловленных разных типов неравенств, очевидно, еще впереди, поскольку требует длительного профессионального анализа, однако отдельные черты уже просматриваются довольно четко. Исследователи и эксперты подчеркивают глубокое экономическое

неравенство в Украине, хотя то и дело наблюдаются существенные различия в показателях соответствующих коэффициентов, в частности индекса Джинни. Так, по данным ЮНЕСКО, в Украине коэффициент Джинни (по распределению зарплат — *distribution of earnings*) в 2006 году составлял 0,41, что в действительности является достаточно высоким показателем (в 1989 году коэффициент имел значение 0,24, достигнув наивысшей отметки в 2000 году — 0,46) [UNICEF, s. a.]. По оценкам Мирового банка, в 2005 году доходы 10% наиболее обеспеченного населения Украины превышали доходы 10% наименее обеспеченного населения в 47 раз [Пищулина, 2007: с. 94]. А вот по данным Государственного комитета статистики Украины, полученным в результате мониторингового обследования доходов и затрат домохозяйств, индекс Джинни составляет около 0,28, а соотношение денежных доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения — 6,1 раз [Доповідь, s. a.]. Однако состояние и динамика неравенства отражается и в других общепризнанных показателях, в частности в уровне бедности. В Украине “сложилась ситуация, когда два основных монетарных критерия бедности, принятых на национальном уровне — абсолютный (прожиточный минимум) и относительный (национальный) — давали противоположные результаты. Показатели бедности по критерию прожиточного минимума демонстрировали поразительно положительную динамику, а показатели бедности и крайней бедности по национальным критериям (соответственно 75% и 60% медианного уровня совокупных эквивалентных затрат) оставались неизменными” [Демографічні чинники бідності, 2009: с. 52]. Это, по мнению исследователей, свидетельствует о том, что позитивный эффект от экономического роста с конца 90-х годов прошлого века позволил уменьшить масштабы абсолютной бедности, но при этом не повлиял на ситуацию с относительной бедностью, поскольку стремительный процесс расслоения по доходам остановить не удалось. Подавляющее большинство взрослого населения страны (95%) оценивает существующее неравенство в доходах как глубокое и несправедливое, а оплату собственного труда — как далекую от заслуженной [Бабенко, 2009: с. 12]. По словам председателя совета по изучению производительных сил Украины Б.Данилишина, “общество стратифицируется и разделяется почти непреодолимыми барьерами, нарастает враждебность и экстремизм, растет преступность” [Данилишин, s. a.].

Один из важных аспектов тематики институциональной обусловленности неравенства — выявление сути ценностных ориентаций и предпочтений институциональных акторов в отношении равенства/неравенства — пока остается нереализованным в отечественной социологии. Если по результатам репрезентативных опросов мы еще можем говорить о господствующих среди населения ценностях и нормах, то о ценностных представлениях ресурсоемких акторов, которые имеют реальную политическую и экономическую власть, мы в действительности можем лишь догадываться. Хотя насущность этого вопроса постоянно подчеркивали отечественные социологи, в частности И.Попова: “Важной проблемой, которая не исследуется сколько-нибудь систематически и всесторонне, является проблема взаимоотношения ценностных ориентаций и предпочтений представителей властных структур и населения” [Попова, 2000: с. 33], то есть “проектировщиков и пользователей” различных институциональных практик.

Отечественные и зарубежные исследователи характеризуют Украину как рентоориентированное общество, в экономике которого сектор поиска ренты превалирует над сектором, создающим добавленную стоимость, поскольку именно рента, а не экономический доход, получаемый за счет повышения производительности, которое несет рыночная конкуренция, преимущественно является источником доходов зажиточных членов рентоориентированного общества. А распространение поиска ренты увеличивает неравномерность доходов в обществе, углубляет имущественное неравенство, а также вредит правам собственности [Дубровський, 2010]. Это, безусловно, означает рентоориентированный характер функционирования основных социальных институтов украинского общества, прежде всего политических и экономических, включая правительство. Любое правительство, по мнению Д.Норта, “не является незаинтересованной стороной по отношению к экономике. По самой природе политического процесса... правительство имеет веские стимулы для оппортунистического поведения с целью максимизации ренты тех, кто имеет доступ к процессу принятия решений правительством. В одних случаях это означает, что правительство является по сути клептократией; в других это ведет к картелизации правительством экономической деятельности в пользу политически влиятельных партий. И лишь в редких случаях правительство разрабатывает и задает такие правила игры, которые благоприятствуют производственной деятельности” [Норт, 2010: с. 105–106]. В течение почти двух последних десятилетий правительственные институциональные структуры в Украине однозначно оставались “заинтересованными сторонами” в отношении экономики, а не “редкими случаями”.

Исследователи процессов реформирования украинского общества считают, что для искоренения поисков ренты прежде всего необходимы три вида институтов: права собственности, рыночная конкуренция и/или эффективное государственное управление, способное предотвратить частное присвоение ренты от природных ресурсов и общественно неэффективное распределение расходов бюджета [Дубровський, 2010: с. 58–59]. Однако на пути выполнения стратегии постепенного внедрения институциональных реформ стоит ряд существенных проблем и препятствий, очевидно, в значительной мере характерных для украинского общества. Как отмечают исследователи [Дубровський: 2010, с. 66], речь идет о небольшой вероятности появления при власти великодушного (филантропического) правительства при условии рентоориентированного общества. Даже в случае появления такого правительства может оказаться недостаточно сильным, чтобы преодолеть сопротивление тех, кто боится потерь в результате подобных реформ и потому сопротивляется появлению новых институтов. Даже при условии создания правительством формальных рыночных и демократических институтов они могут быть эффективными только при поддержке со стороны аналогичных неформальных, возникающих исключительно с появлением общественной потребности в них. Сформированное же в условиях рентоориентированного общества общественное сознание должно пережить длительный процесс эволюции, чтобы сделать рыночные и демократические институты действенными.

Резкое увеличение неравенства в Украине в течение первого трансформационного десятилетия времен независимости сначала воспринималось как нормальное явление, учитывая общеизвестную гипотезу С.Кузнеця (при

структурных изменениях в экономике, способствующих повышению ее производительности, неравенство доходов в первое время возрастает, а потом по мере вовлечения все большего количества индивидов в производственную деятельность уменьшается). Правда, порой суть этой гипотезы подвергают сомнению и эмпирически опровергают, используя в анализе именно институциональные характеристики общественных отношений [Zafirovski, 2002]. Однако с началом экономического роста 2000-х годов ожидаемого существенного уменьшения неравенства не произошло, и это имеет, наряду с прочим, институциональные объяснения. В результате институциональных преобразований переходного периода в Украине произошло перераспределение структуры доходов с увеличением дифференциации внутри каждой составляющей (зарплаты; внезарплатные частные доходы, в том числе от предпринимательской деятельности; пенсии и социальные выплаты). Б.Миланович полагает, что в процессе переходного периода имело место “опустошение” доходной середины в переходных обществах. Если до начала перехода 60% глав домохозяйства имели примерно средний для государственного сектора доход, а по 20% — высший (высокостатусные группы и самозанятые) или низший (пенсионеры), то в переходный период указанная середина уменьшилась как минимум наполовину, а “богатый” и “бедный” полюса соответственно увеличились [Milanovic, 1998]. Существенно возросла дифференциация заработной платы, особенно за счет негосударственного сектора экономики. Уровень минимальной заработной платы законодательно установлен в Украине, но ее величина только в конце 2009 года догнала прожиточный минимум. Тем не менее сам факт наличия законодательно установленной минимальной заработной платы исследователи рассматривают как один из институциональных факторов более замедленного роста неравенства заработной платы в Украине, например, по сравнению с Россией [Ganguli, s.a.: p. 16].

Одной из ключевых проблем отечественного рынка труда считается низкая заработная плата, ее необоснованная дифференциация по отраслям и профессионально-квалификационным группам. Анализ структуры долей трех участников институциональных производственно-распределительных отношений в цене продукта обнаружил, что доля заработной платы в среднем по Украине составляет 6,3%, а доля, остающаяся в распоряжении предпринимателя, — 5,2% (3,4% — разрешенная амортизация и 1,8% — прибыль). В итоге на одного наемного работника приходится 3,4 тыс. грн, а на одного работодателя — 226 тыс. грн, из которых 99,6 тыс. грн — прибыль [Данилишин, s.a.]. Реальные соотношения доходов в действительности могут оказаться несколько иными, ведь часть зарплат выдается в конвертах, а на утаивание прибыли работает целая институционально неформальная “индустрия услуг”, поэтому соотношение, скорее всего, окажется еще большим в пользу работодателей. Как отмечает Б.Данилишин, “совместно ведут хозяйство, но результаты делят в пропорции 25/1. Едва ли подобные соотношения можно считать сбалансированными и способствующими социальному миру и экономическому развитию в стране” [Данилишин, s.a.].

Государство как институциональный актор, с одной стороны, и работодатель и рынок — с другой, имеют в Украине разные институциональные правила, в частности в отношении неравенства распределения доходов и заработных плат. Неравенство, сформированное в государственном секторе экономики, имеет свои правила и логику зависимости от уровня образова-

ния, квалификации, должности, профессии и т.п. В негосударственном секторе экономики также присутствуют соответствующие институциональные правила и своя логика. В итоге имеем многочисленные случаи, когда рыночная цена труда и установленная государством цена того же по профессиональной квалификации труда существенно разнятся, то есть индивиды с одинаковыми профессиями, образованием и квалификацией получают чуть не на порядок отличающиеся вознаграждения в зависимости от институциональных правил, установленных государственными или рыночными акторами. Наложение таких институциональных порядков ведет к потере логики и рационального обоснования оплаты труда, в том числе квалифицированного и неквалифицированного, физического и умственного, исполнительского и управленческого, а также к разрушению профессионального этоса и солидарности (замечу, при отсутствии реального влияния на указанные процессы профессиональных союзов).

Если говорить об институциональных основаниях формирования и воспроизводства неравенства доходов от собственности и предпринимательской деятельности, то отечественные исследователи допускают, что здесь дифференциация еще больше, нежели в уровнях заработной платы. И это результат воспроизводства определенного типа вновь созданных институциональных правил и практик. Считается, что процесс концентрации таких доходов будет продолжаться и дальше. По оценкам экспертов, в Украине объем еще не приватизированной собственности составляет около 30% ВВП [Пищуліна, 2007: с. 99]. При существующих сейчас институциональных отношениях распределения собственности весьма вероятно, что объекты государственной собственности попадут к представителям нынешних ресурсоемких групп, способствуя тем самым дальнейшему углублению неравенства.

Как уже отмечалось, одним из важнейших в плане воспроизводства неравенства считается институт прав собственности и их защиты. Открытым, в смысле эмпирического обоснования, остается вопрос, можем ли мы говорить, что формальные и неформальные институциональные правила и практики защиты прав собственности благоприятствуют одним группам и не содействуют другим, например сильноресурсным в противовес слабонересурсным? Обеспечивается ли хоть в какой-то мере равенство возможностей для накопления капитала и инвестиций? Обеспечивается ли защита прав собственности для представителей всех слоев населения? Чаше всего исследователи указывают на слабость прав собственности, что делает невозможным предотвращение чрезмерного присвоения ренты, одновременно богатейшие “олигархи” не заинтересованы во внедрении прав собственности и должного управления [Дубровський, 2010: с. 59]. Как отмечает А.Пасхавер, установленные в Украине правила и технологии индивидуальной приватизации также резко расширили свободу действий для чиновников. Такая свобода в коррумпированной стране, без гражданского контроля, при большом спросе на стратегические предприятия со стороны финансово-промышленных групп и при поддержке их властью, превращала индивидуальную приватизацию в приватизацию заказную, под заказчика. Именно институциональные технологии индивидуальной приватизации позволяли делать это обычно без формального нарушения законов [Пасхавер, 2006: с. 295].

Как и в других странах, в Украине государственные институты берут на себя обязательства корректировать результаты рыночного распределения

ресурсов, осуществляя их перераспределение через институциональные отношения налогообложения и социальных трансферов. Одним из основных институциональных факторов влияния на неравенство путем перераспределения доходов считается установление и реализация государством разнообразных социальных выплат, льгот и помощи. Институциональные отношения и практики в контексте социальных льгот в Украине требуют отдельного углубленного изучения, ведь нынешнюю систему льгот регулируют 146 законодательных актов, включая Кодексы Украины, Законы Украины, Указы Президента Украины, Постановления Кабинета Министров и Верховной Рады Украины. Формально мы имеем очень мощную институционально генерированную систему социальной помощи, которая вроде бы способна существенно влиять на перераспределение доходов и уменьшение неравенства. Но практически эта система на полную мощность никогда не работала и вряд ли заработает. По оценкам экспертов, на реализацию всего количества предусмотренных законодательством льгот необходимо 120–140 млрд грн, что составляет почти половину государственного бюджета Украины на 2010 год. Расходы по государственному бюджету 2009 года на выплаты государственных социальных пособий, льгот и компенсаций достигли 27–30 млрд грн [Мінпраці, s. a.]. Как следствие институционально установленные государством социальные гарантии оно же и не выполняет. А способствуют ли те трансферы, которые в действительности получают домохозяйства, ослаблению неравенства, на этот вопрос у исследователей нет однозначного ответа, но имеются эмпирично обоснованные предположения, согласно которым отдельные виды трансферов непропорционально больше получают сравнительно богатые, а не малообеспеченные домохозяйства. Опираясь на официальные статистические данные по затратам и ресурсам домохозяйств в 2007 году, О.Марец и О.Вильчинская обнаружили, что, по-видимому, только один вид социальных трансферов “помощь малообеспеченным семьям” на самом деле предоставляют преимущественно малообеспеченным: 50% домохозяйств получают 93% всей помощи. Целый ряд институционально введенных трансферов непропорционально больше получают богатые домохозяйства. Среди них субсидии и льготы наличными на оплату жилищно-коммунальных услуг, электроэнергии и топлива; льготы и субсидии безналичные на оплату жилищно-коммунальных услуг, электроэнергии и топлива; льготы безналичные на оплату товаров и услуг по здравоохранению, туристических услуг, путевок на базы отдыха и т.п.; льготы безналичные на оплату услуг транспорта, связи [Марець, 2009: с. 383–386]. Наибольший вклад в усиление неравенства имеет трансфер “льготы безналичные на оплату товаров и услуг по здравоохранению, туристических услуг, путевок на базы отдыха и т.п.”. Поэтому небезосновательными представляются утверждения отечественных специалистов о том, что институционально воспроизводимая в Украине система перераспределения одновременно и ослабляет, и усиливает социальное неравенство. К тому же пока неизвестно, какую из двух этих ролей социальные институты выполняют эффективнее.

Введенные социальные выплаты имеют свой внутренний порядок неравенства, в частности это касается институциональных особенностей пенсионного обеспечения. По данным Э.Либановой, в начале 2010 года 55% пенсионеров получали пенсии не выше 800 грн, и их доля в общей сумме расходов на выплату пенсий составляла 38%. В то же время 12% пенсионеров с са-

мыми высокими пенсиями (более 1500 грн) получали 28% общего объема расходов на выплату пенсий [Пенсионная реформа, 2010]. Если ситуацию менять, то есть изменять институциональные правила игры, то, по словам Э.Либановой, здесь мы подходим к основополагающему вопросу: кем (или чем) будем жертвовать? “Бедными” пенсионерами, “богатыми” пенсионерами, работающими пенсионерами, будущими пенсионерами-женщинами или работодателями? Очевидно, какой-то выбор будет сделан, и он однозначно не будет отвечать интересам всех, но может в мизерной степени зацепить интересы тех институциональных акторов, которые имеют политическую и экономическую власть де-юре и де-факто.

Существующий в стране уровень налогообложения индивидуальных доходов и богатства (как база дальнейшего перераспределения на общественные расходы и социальную помощь) также явно соответствует интересам высокодоходных групп населения. Граждане с самыми низкими доходами испытывают самое высокое налоговое давление [Економічна і соціальна політика, 2006]. Ставка налогообложения доходов физических лиц относительно низкая — 15%, но одинакова для всех, независимо от суммы доходов. К тому же у нас один из самых высоких уровней налогообложения невысоких доходов, которые в других европейских странах облагаются налогами по гораздо меньшим ставкам 10–14% [Пищуліна, 2007: с. 100]. В Украине, в отличие от большинства европейских стран, не предусмотрено освобождение от налогообложения определенных объемов доходов, например на содержание детей или на прожиточный минимум. Установление “плоской” ставки налогообложения доходов физических лиц якобы с целью детенизации доходов — не что иное, как институциональное правило, введенное в пользу определенных ресурсоемких политико-экономических групп. Это ощутимо уменьшает бюджетные поступления, которые могли бы перераспределяться в пользу менее обеспеченных слоев, а также на общественные нужды.

Исторический опыт налогообложения в других странах служит уроком, который заключается в том, что “возрастание неравенства, не сдерживаемого прогрессивными налогами и перераспределением доходов, приводит к срывам экономического роста и расслоению роста, когда существенно повышаются только доходы богатых” [Социальное неравенство, 2007: с. 299]. Во время наших перманентных избирательных гонок политики и политические партии обычно не поднимают, например, вопроса справедливости/несправедливости действующего налогообложения и одинакового для всех налога на доходы. Никто из борцов за власть не говорит о необходимости возврата к прогрессивному подоходному налогу как механизму перераспределения доходов, хотя бы умеренно прогрессивного. Впрочем, и общности граждан как акторы институциональных отношений, похоже, этого активно не требуют, хотя массово считают, что люди с высоким уровнем дохода должны платить гораздо большие налоги, чем люди с низкими доходами [Бабенко, 2009: с. 26]. Касательно России, например, по расчетам О.Шевякова, директора Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, введение умеренной прогрессивной шкалы налогообложения совокупных доходов (не заработных плат), как это сделано в странах Европы, позволит увеличить уровень пенсий в четыре раза, минимальной заработной платы — в 3,5, зарплаты бюджетников — в 2,5–3 раза. Институ-

циональный механизм перераспределения — безинфляционный, поскольку общая денежная масса не увеличивается [Шевяков, 2005].

Очевидно, в Украине мы можем констатировать если не отсутствие, то явную слабость профсоюзов как важного социального института, призванного способствовать минимизации или нормализации разрывов в оплате труда наемных работников и быть агентом организации коллективных протестных действий. Драматизм нашей ситуации в том, что при нынешних условиях “атомизации” индивидов, отсутствии длительного опыта коллективной презентации и защиты интересов, “коммерциализации” формальных лидеров формально присутствующих бывших советских профсоюзов и учитывая угрозу определенных преследований инициаторов попыток организации коллективного сопротивления формирование таких “настоящих” профсоюзов в данный момент вообще невозможно. То есть профсоюзы вообще не являются реальными институциональными акторами, участвующими в определении “правил игры” в неравенство, не имеют экономической власти де-факто. Равно как и профессиональные ассоциации и союзы, кроме, разве что, Союза предпринимателей и промышленников. Скорее всего, в течение жизни 3–4 советских поколений традиции самоорганизации, коллективной самозащиты и сопротивления, активных солидарных действий были утрачены. Восстановление или формирование их уже в постсоветском поколении если и происходит, то пока без явных и систематических проявлений. “Оранжевая революция” если и была таким проявлением, то совершенно не повлияла на основополагающее институциональное устройство общества, а только чуть обновила состав институциональных акторов, которые продолжали играть по уже устоявшимся правилам.

Итак, можно не без оснований говорить об отсутствии или невлиятельности таких коллективных субъектов модификации институциональных правил и практик, как общественные объединения и общественные движения. Один из показательных примеров выработки новых правил игры между сильно и слабобюджетными институциональными акторами — это ожидаемое принятие нового Трудового кодекса, по которому работодатель сможет устанавливать продолжительность рабочего дня до 12 и больше часов, а трудовой недели — до 48 часов, перечеркнув достижения двухсотлетней борьбы наемных работников за 8-часовой рабочий день. Фактически будет отменена ответственность работодателя за нанесение вреда работнику, тогда как дисциплинарная и материальная ответственность наемных работников расписана в 20 статьях, в объеме, в восемь раз превышающем ответственность работодателей. Работодателю предоставляется возможность контролировать работу наемных работников техническими средствами. Значительно упрощена система увольнения работников. Также упрощены процедуры проведения служебного расследования против работника, что теперь сможет осуществлять работодатель лично. Роль Комиссий по трудовым спорам как органа решения разногласий работодателей и наемных работников в проекте Кодекса сведена практически к нулю. Из законопроекта изъята целая глава XVI нынешнего Кодекса, что вместе с новой книгой 6 данного законопроекта приведет к уничтожению независимых профсоюзов, и защищать права работников кроме старых еще “советских” и зачастую бесполезных профсоюзов будет некому. Таким образом, законопроект Трудового кодекса Украины нарушает ст. 22 Конституции Украины, согласно которой при принятии новых за-

конов или внесении изменений в действующие законы не допускается сужения содержания и объема гарантированных прав и свобод. Несмотря на акции протеста, проект нового Трудового кодекса был поддержан в первом чтении конституционным большинством депутатов Верховной Рады, многие из которых, как известно, прямо или опосредованно являются предпринимателями, работодателями, акционерами, рентополучателями и т.п.

Институциональному устройству украинского общества присущи различные типы двойственности, в частности сочетание остатков директивно-плановой системы с рыночными, а также тесное переплетение легального и нелегального (теневого) в практике взаимоотношений между индивидуальными и групповыми акторами. То есть воспроизводимые институциональные отношения содержат правила деятельности вне правового поля. Как отмечает А.Гриценко, “скрытая готовность действовать вне правового поля преобразовалась в теневую деятельность, последняя стала обычным делом, постепенно сформировались неформальные правила, законы, инфраструктура, теневые цены на товары, ставки, тарифы на бюрократические, судебные и др. услуги” [Гриценко, 2004: с. 145]. Но речь идет о большем, нежели параллельное функционирование легальных и нелегальных правил в пределах ряда институциональных отношений. А.Гриценко указывает на качественно отличные характеристики нашей свето-теневой структуры общества, поскольку мы имеем не теневую экономику, а теневое общество с теневым государством и его теневыми институтами законодательной, исполнительной и судебной власти, репрессивного аппарата, экономической деятельности и т.п. Блокирование законопроектов, решений исполнительной власти, которые могут нанести убытки теневым структурам, определенные правила и процедуры работы с субъектами, нарушающими неформальные соглашения, — это вполне реальные практики теневого институционального устройства, примечательной чертой которого является неразделимость с легальным институциональным устройством. Акторы институциональных отношений одновременно живут и действуют в двух параллельных мирах — видимом и теневом. О существенном распространении неформальных практик в Украине постоянно слышим и от наделенных властью субъектов такого распространения, и от экспертов. Доход от неформальной деятельности, безусловно, получают представители всех слоев населения. “Но зажиточные получают от такой деятельности большую выгоду. Согласно экспертным данным, свыше 70% неформального дохода имеют 20% зажиточных. Таким образом, неформальный доход существенно усиливает неравенство в обществе и должен учитываться при рассмотрении влияния распределения доходов на неравенство” [Пищулина, 2007: с. 96]. Западные коллеги эмпирически подтверждают связь между уровнем неравенства доходов и величиной неформального сектора в 16 переходных странах, включая Украину. Связь является значимой и положительной, хотя каузальная направленность остается неизвестной и непроверенной [Rosser, 2000].

Немецкие исследователи В.Меркель и А.Круассан предполагают три возможных сценария дальнейшего развития общества, ступившего на путь неформальной институционализации: регресса, то есть все большей “деформализации”; прогресса, то есть постепенного вытеснения неформальных практик; стабильности, когда переплетение формальных демократических институтов и неформальных демократически возникших дефектов

переходит в самовоспроизводящееся равновесие, что ведет к стабилизации status quo дефектной демократии. Стабильность сохраняется до тех пор, пока специфические дефекты демократии гарантируют господство властных элит и способствуют удовлетворению интересов части населения, которая поддерживает систему. По мнению этих исследователей, именно такой сценарий реализуется в российском обществе [Меркель, 2002: с. 27–28]. Очевидно, в Украине тоже. В этом убеждает наряду с прочим длительное и ничем не обоснованное промедление с принятием антикоррупционных законов, а также быстрое приостановление введения в действие этих законов со стороны обновленного состава ресурсоемких институциональных акторов, которые шли к власти под лозунгом “Украина для людей”, а теперь якобы строят “новую страну”, но почему-то на старых институциональных основаниях.

Воспроизводимая сейчас модель институциональных отношений и практик в Украине и ряде постсоветских стран помимо прочих факторов объясняется и как результат “захвата государства” нововозникшими искателями ренты, новыми капиталистами (олигархами). Хотя “сам по себе факт наличия мощных групп искателей ренты или лоббистов не делает Казахстан, Украину или Россию радикально отличными от других развивающихся экономик, и даже от развитых стран... Весьма значительное различие в степени такого могущества и влияния может приводить в конечном счете к качественному изменению: олигархи получают не только содействие для своего бизнеса со стороны государства (именно в этом и заключается лучшее определение поиска ренты), — на самом деле они могут становиться такими могущественными, что в сговоре друг с другом смогут “захватывать государство” в смысле получения фактического контроля над направлением политики в целом” [Гаврилишин, 2007: с. 221]. Даже если подвергнуть сомнению оценку нынешней ситуации в Украине как “захвата государства”, очевиден ответ на приведенный выше вопрос Д.Норта о том, кто, для кого и с какой целью создает правила институциональной игры и какие параметры и динамику социального неравенства они обуславливают.

Таким образом, приведенные отдельные характеристики сформированных в Украине модели и практики институциональных отношений, обуславливающих порядок социального неравенства, явно соответствуют интересам определенных общностей (ресурсоемких агентов политической и экономической власти), прямо или опосредованно причастных к ее формированию и практическому внедрению. Слаборесурсные агенты, не участвовавшие в принятии большинства решений касательно правил игры в неравенство, так или иначе вынуждены участвовать в их постоянном воспроизводстве. Судя по данным исследования ISSP [Бабенко, 2009], большинство взрослого населения страны не считает такой порядок социального неравенства нормальным и справедливым, то есть отказывает ему в легитимности как признании и одобрении.

Будем надеяться, что накопленный западными коллегами опыт институционального анализа социального неравенства поможет формированию в отечественной социологии концепции институционально-генеративного неравенства и его постепенной эмпирической верификации. Сейчас мы не имеем целостной теоретически и эмпирически обоснованной “картины” институциональной обусловленности глубины и динамики различных типов неравенств в украинском обществе, равно как и объяснения величины вкла-

да конкретных социальных институтов в углубление или ослабление социального неравенства. Вероятно, данная проблематика еще долго будет оставаться актуальной для отечественной социологии, а в ближайшие десятилетия уменьшение социального неравенства в Украине вряд ли будет происходить, поскольку “ресурсоемкие” акторы институциональных отношений такой реальной цели и не ставят (популистские высказывания для избирателей и СМИ не стоит принимать во внимание). По-видимому, будет происходить дальнейшая социальная поляризация (увеличение количества индивидов на полюсах шкал неравенства) или увеличение разрывов между высоко-, средне- и малообеспеченными. Согласно логике теории социального конфликта, изменить существующие экономические институты, то есть правила получения, распределения и перераспределения экономических ресурсов, невозможно без изменений в политических институтах. Очевидно, наиболее реальный путь — приход к власти политической партии/партий (разумеется, при массовой поддержке определенных социальных слоев избирателей, общественных организаций и профессиональных союзов), которые ради выполнения взятых обязательств реально захотят и смогут изменять институциональные правила игры и, соответственно, стратификационный порядок в обществе.

Литература

Айвазова С.Г. Институционализм и политическая трансформация России [Электронный ресурс] / С.Г. Айвазова, П.В. Панов, С.В. Патрушев, А.Д. Хлопин. — Режим доступа : <http://www.garph.ru/?grup=254&doc=1447>.

Асемоглу Д. Институты как фундаментальная причина долгосрочного экономического роста / Д. Асемоглу, С. Джонсон, Д. Робинсон // Экономический вестник. — 2006. — Вып. 5, № 1. — С. 4–43 ; Вып. 5, № 2. — С. 248–287.

Бабенко С. Соціальна нерівність в оцінках населення України (за результатами міжнародного дослідження ISSP 2009 року) / за ред. О. Іващенко. — К. : Інститут соціології НАН України ; Київський міжнародний інститут соціології, Інститут політики, центр “Соціальні індикатори”, 2009. — 44 с.

Гаврилишин О. Капіталізм для всіх чи для обраних? Розбіжні шляхи посткомуністичних перетворень / Гаврилишин О. — К. : Вид. дім. “Києво-Могилянська академія”, 2007. — 384 с.

Гриценко А.А. Институциональная архитектура и социальная динамика в посткоммунистическом обществе / А.А. Гриценко // Посткоммунистические трансформации: векторы, направления, содержание ; под ред. О.Д. Куценко ; соредатор С.С. Бабенко. — Харьков : Изд. центр Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина, 2004. — С. 132–150.

Данилишин Б. За примарні вигоди низької оплати праці і підприємці, і все суспільство платять непомірно високу ціну [Електронний ресурс] / Б. Данилишин. — Режим доступу : http://dialogs.org.ua/dialog.php?id=112&op_id=1698#1698.

Демографічні чинники бідності (колективна монографія) / за ред. Е.М. Лібанової. — К. : Інститут демографії та соціальних досліджень НАН України, 2009. — 184 с.

Соціально-економічне становище домогосподарств України у 2009 році (за даними вибіркового обстеження умов життя домогосподарств) : доповідь [Електронний ресурс]. — Режим доступу : <http://www.ukrstat.gov.ua/>.

Дубровський В. Рушійні сили небажаних реформ: уроки українського перехідного періоду / [В. Дубровський, Я. Ширмер, В. Грейвс-Третій, Є. Головаха, О. Гарань, Р. Павленко] // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2010. — № 1. — С. 56–72.

Економічна і соціальна політика в умовах конституційної реформи: стан і тенденції: аналітична доповідь // Національна безпека і оборона. — 2006. — № 12. — С. 3–27.

Кругман П. Кредо либерала / Кругман П. — М. : Европа, 2009. — 368 с.

Меркель В. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях / В. Меркель, А. Круассан // Полис. — 2002. — № 2. — С. 20–30.

Макеев С.О. Соціальні інститути: класичні тлумачення й сучасні підходи до вивчення / С.О. Макеев // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2003. — № 4. — С. 5–20.

Марець О. Оцінка ефективності державного регулювання нерівності розподілу доходів / О. Марець, О. Вільчинська // Вісник Львівського університету. — 2009. — Вип. 41. — С. 382–390. — (Серія економічна).

Мінпраці: Пріоритетом реформування системи пільг є посилення адресної підтримки саме малозабезпечених категорій населення [Електронний ресурс]. — Режим доступу : http://www.kmu.gov.ua/control/uk/publish/article?art_id=243110420&cat_id=35884.

Моне К. Труд и Нордическая модель социальной демократии [Электронный ресурс] / К. Моне. — Режим доступа : dialogs.org.ua/crossroads_full.php?m_id=19345.

Мэннинг Н. Неравенство в России: последствия 1990-х годов / Н. Мэннинг // Мир России. — 2007. — № 3. — С. 132–146.

Норт Д. Інституції, інституційна зміна та функціонування економіки / Норт Д. — К. : Основи, 2000. — 198 с.

Норт Д. Понимание процесса экономических изменений / Норт Д. — М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. — 256 с.

Пасхавер А. Приватизация до и после “оранжевой” революции / А. Пасхавер, Л. Верховодова // Экономический вестник. — 2006. — Вып. 5, № 2. — С. 288–317.

Пенсионная реформа: что мешает? // Зеркало недели. — 2010. — № 12, 27 марта. — 2 апреля.

Пищуліна О.М. Диференціація населення за рівнем доходу та ефективність інституційної організації механізмів його перерозподілу в Україні / О.М. Пищуліна // Стратегічні пріоритети. — 2007. — № 2. — С. 93–102.

Попова І.М. Соціологічні підходи до вивчення легітимності та легітимації. До постановки проблеми / І.М. Попова // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2000. — № 3.

Социальное неравенство и публичная политика. — М. : Культурная революция, 2007. — 336 с.

Соціально-економічне становище домогосподарств України у 2009 році (за даними вибіркового обстеження умов життя домогосподарств) [Електронний ресурс]. — 2010. — 20 серп. — Режим доступу : <http://www.ukrstat.gov.ua/>

Шевяков А. Неравенство и бедность: причины и пути преодоления существующих диспропорций [Электронный ресурс] / А. Шевяков // Индекс. — 2005. — № 21. — Режим доступа : <http://www.index.org.ru/journal/21/shev21.html>.

Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций : курс лекций / Ядов В.А. — СПб. : Интерсоцис, 2006. — 112 с.

Carpiano R. Social Inequality and Health / Carpiano R., Link B., Phelan J. // Social Class: how does it work? — N. Y. : Russell Sage Foundation, 2008. — 388 p.

Chong A. Inequality and Institutions [Electronic resource] / A. Chong, M. Gradstein. — Mode of access : <http://www.bvsde.paho.org/bvsadi/fulltext/inequality.pdf>.

DiPrete T. What Has Sociology to Contribute to the Study of Inequality Trends? A Historical and Comparative Perspective / T. DiPrete // American Behavioral Scientist. — 2007. — Vol. 50, № 5. — P. 603–618.

Easaw J. Inequality, Democracy and Institutions [Electronic resource] / J. Easaw, A. McKay, A. Savoia. — Mode of access : http://editorialexpress.com/cgi-bin/conference/download.cgi?db_name=res2006&paper_id=216.

Esping-Andersen G. Untying the Gordian Knot of Social Inheritance / G. Esping-Andersen // Research in Social Stratification and Mobility. — 2004. — Vol. 21. — P. 115–138.

Ganguli I. Institutions, Markets and Men's and Women's Wage Inequality: Evidence from Ukraine [Electronic resource] / I. Ganguli, K. Terrell // IZA Discussion Paper № 1724. — 2005. — Mode of access: http://ipc.umich.edu/edts/pdfs/IZAdp1724_Ukraine_Inequality.pdf.

Gradstein M. Democracy and Income Inequality; An Empirical Analysis [Electronic resource] / M. Gradstein, B. Milanovic, Y. Ying. — Mode of access: http://www-wds.worldbank.org/external/default/WDSContentServer/IW3P/IB/2001/04/07/000094946_01032905305396/additional/121521323_20041118130622.pdf.

Jencks C. Does inequality matter? [Electronic resource] / C. Jencks. — Mode of access: <http://www.amacad.org/publications/winter2002/Jencks.pdf>.

Kenworthy L. Inequality and Sociology / L. Kenworthy // American Behavioral Scientist. — 2007. — Vol. 50, № 5. — P. 584–602.

Kenworthy L. Institutions, Wealth and Inequality [Electronic resource] / L. Kenworthy. — Mode of access: www.u.arizona.edu/~lkenwor/institutionswealthandinequality2010.pdf.

Kenworthy L. Inequality, public opinion and redistribution / L. Kenworthy, L. McCall // Socio-Economic Review. — 2008. — № 6. — P. 35–68.

Kerckhoff A. Institutional Arrangements and Stratification Processes in Industrial Societies / A. Kerckhoff // Annual Review of Sociology. — 1995. — Vol. 21. — P. 323–347.

Lynch J. Income inequality and health: expending the debate / Lynch J. // Social Science & Medicine. — 2000. — Vol. 51. — P. 1001–1005.

Milanovic B. Income, Inequality, and Poverty during the Transition from Planned to Market Economy / Milanovic B. — The World Bank, 1998. — 237 p.

Myles J. Where have all the sociologists gone? Explaining income inequality / J. Myles // Canadian Journal of Sociology. — 2003. — Vol. 29. — P. 553–560.

Myles J. Who gets what and why? Answers from sociology / J. Myles, K. Myles // American Behavioral Scientist. — 2007. — Vol. 5, № 5. — P. 578–583.

Navarro V. The political context of social inequality and health / V. Navarro, L. Shi // Social Science & Medicine. — 2001. — Vol. 52. — P. 481–491.

Palme J. Welfare state and inequality: Institutional designs and distributive outcome / J. Palme // Research in Social Stratification and Mobility. — 2006. — Vol. 24. — P. 387–403.

Raffalovich L. The power of property in comparative perspective / L. Raffalovich, E. Vesselinov // Research in Social Stratification and Mobility. — 2004. — Vol. 20. — P. 361–384.

Rosser B. Income Inequality and the Informal Economy in Transitional Economies / B. Rosser, M. Rosser, E. Ahmed // Journal of Comparative Economics. — 2000. — Vol. 28, № 1. — P. 156–171.

Smith M. Income Inequality and Economic Growth in Rich Countries: A Reconsideration of the Evidence / M. Smith // Current Sociology. — 2002. — Vol. 50, № 4. — P. 573–593.

Soskice D. Inequality and Redistribution: A Unified Approach to the Role of Economic and Political Institutions [Electronic resource] / D. Soskice, T. Iversen. — Mode of access: <http://jourdan.ens.fr/~gatti/Soskice%20Iversen.pdf>.

Treiman D. The Fourth Generation of Comparative Stratification Research / D. Treiman, H.B.G. Ganzeboom // The International Handbook of Sociology. — London: Sage, 2000. — P. 123–150.

Zafirovski M. Income Inequality and Social Institutions: Beyond the Kuznets Curve and Economic Determinism / M. Zafirovski // International Journal of Sociology and Social Policy. — 2002. — Vol. 22. — Iss. 11/12. — P. 89–131.

UNICEF. TransMONEE 2008 Database. UNICEF Innocenti Research Center. Florence: UNICEF [Electronic resource]. — Mode of access: <http://www.unicef-irc.org/databases/transmonee/2008/Tables/TransMONEE.xls>.